

● Год 30-й и другие

Именная смена — Алена — Ата —
1990 — 14 марта

МАРИЯ, ДОЧЬ КРЕСТЬЯНСКАЯ

В этой повести нет стрельбы, нет и свирепых конвоиров с овчарками. Здесь все гораздо обыденней — и оттого страшнее

В декабрьской книжке «Простора» за прошлый год опубликована документальная повесть Марии Бельской «Дети Арины». Записки М. Бельской, пишет в своем отзыве писатель Юрий Рожицын, это воспоминания очевидца времени сталинской коллективизации, в них нет стрельбы, нет и свирепых конвоиров с овчарками-людоедами, здесь все гораздо обыденней, проще и оттого страшнее.

Несмотря на журнальный вариант повести, значит, неизбежные сокращения в тексте, горемычные «Дети Арины» не оставят читателя равнодушным, я в этом убежден. Степенные мужи признавались, что плакали...

Помню нашу первую встречу с Марией Карповной Бельской, до замужества Недобитковой, полтора года назад. В редакционный кабинет вошла статная женщина, улыбнулась и подала объемистую папку.

— Что здесь? — спросил я.

— Моя жизнь, — кратко произнесла гостья.

— Роман?

— Наверное.

— Но...

— Я знаю. Вы только прочтите. Если понравится, делайте с этим, что хотите. Мне уже ничего не нужно. Я устала и потеряла надежду. Только не выбрасывайте.

Раскрыв папку, я наткнулся на рецензию М. Святогора из «Нового мира» о рукописи М. Бельской. В ней, в частности, было сказано, что автор попытался написать то, что когда-то обозначалось словом «жизнь». Жизнь одного крестьянского рода.

НЕ ПРИШЛИСЬ по нраву новому председателю колхоза Чижику родители шестилетней Мани. Началась изощренная беспощадная травля большой трудолюбивой семьи бывшего красного партизана. Объявив больную Арину симулянткой, ее выгнали из колхоза. За налоги и недоимки описали имущество, на торги вытащили два табурета, скамейку, старый тулуп, чулки и корчаги, выволокли из завозни подвинка. «Глянь-ка! Сапоги на Демке! Где же они были, когда мы описывали? А-а, утай-и-ли!», — уполномоченный подошел и сдернул с ног Демки его первые в жизни сапоги.

Выгнали из дома детей на мороз и разместили в нем сельсовет. Отца по наговору посадили в тюрьму. Мать Арина зимой мыкается по родному селу из дома в дом. Кто-то открыто злорадствует, отворачиваются даже бывшие друзья, опасаясь председателя местной Доведенная до отчаяния, Арина решает вместе с детьми идти к старшему сыну Деме в Риддер (ныне Лениногорск). Пятсот верст с тремя килограммами муки в котомке. «Никто нас не провожал. Построившись гуськом, нагруженные печалью и

горем, пошли из родного села. Поднявшись к Асташкиной горе, мама остановила нас: «Ну, детки, гусенята мои горемычные, повернемся к солнышку, сделаем ему три поклона с молитвою. Пускай господь бог благословит нас. Погибнем, так все вместе...».

От села к селу, с христиарадничаньем и унижениями от богатых казаков, через горные реки, по глухой тайге. И вот встреча с Демой, который сам в жуткой нужде. Немыслимо, но мать со своими стонущими, опухшими от голода Еремушкой, Троношкой, Симочкой, Фросей, Маней и Ирочкой пускаются в обратный путь в надежде, что отца отпустили на волю. «Про то наколдовала нам маленькая Ирочка. Мы часто приставали к ней с одним и тем же вопросом: скажи, Ирочка, наш тятя дома? Тятю выпустили, да? — Ирочка согласно кивала головой и уверенно лепетала: «Дома. Тятю выпустили!». И мы верили в это предсказание...».

Первой не выдержала четырехлетняя Фрося, оставили ее у бабушки в Малой Убинке. В страхе, что не доведет всех живыми, Арина оставляет на крыльце Змеиногорского приюта Маню и годовалую Ирочку. Почти два месяца дети медленно умирали у стены сельсовета, пока там наводили о них справки.

ЖИВУТ сегодня Мария Карповна и ее 93-летняя

мать Арина Назаровна в Усть-Каменогорске, в трехкомнатной квартире крупноблочного дома по ул. Тимирязева. Бабушка Арина недослышит и переспрашивает каждый вопрос.

— Тяжелая? Кто тяжелая? Жизнь-то? Да, не приведи бог пережить то, что пережила я на своем веку. Как жива еще, не знаю. Спасибо дочке Мане, не бросает старуху. Вся жизнь вместе.

Замечаю на стене портрет молодой женщины совершенной красоты, опухшими от голода Еремушкой, Троношкой, Симочкой, Фросей, Маней и Ирочкой пускаются в обратный путь в надежде, что отца отпустили на волю.

— Вы?!
— Не похожа? — улыбнулась хозяйка. — Самой не верится.

Листая альбом со старыми фотографиями, я нашел одно потерянное удостоверение, раскрыл его и прочитал:

«Удостоверение № 247. Недобиткова Мария Карповна работает в Государственном русском народном хоре имени Пятницкого. 20 сентября 1949 года».

За столом, угощая меня чаем с блинами, Мария Карповна рассказывала свое многотрудное житье.

— В войну я и сестра Сима работали на заводе, эвакуированном из Люберцев в Лениногорск. Весной 1944 года стало ясно, что завод будет эвакуироваться. Мы обрадовались: поедим в Москву! Прибы-

ли в Люберцы. В первый свободный день поехали в Москву. Шли по площади Маяковского, главели на витрины, афиши. Одну из них я прочитала от начала до конца. «Объявляется конкурс певцов и певиц в хор Пятницкого. Прослушивание тогда-то...» Я закричала от счастья. Но чтобы петь в хоре, нужно иметь голос с открытым народным звуком. А у меня от природы колоратурное сопрано. Мне бы петь арии, учиться в консерватории. Но об этом я и не мечтала, со своими-то шестью классами образования. В хор меня приняли сразу. Посадили в третью партию. Дали оклад 800 рублей. Стала я богатая и счастливая. Подружилась с певицами Александрой Прокошиной, Валей Клодиной, Марией Подлатовой. В четвертой партии пела Людмила Зыкина...

В августе 1944 года хор готовился к гастролям в Харькове. Накануне Сима шепотом раскрыла сестре свой секрет:

— Хочешь на фронт? В Химках капитан Морозов вербует вольнонаемных девчонок.

В кирпичном бараке близ аэродрома Маша отыскала Морозова, а через день в огромном «Дугласе» летела на фронт, в Латвию.

ПОСЛЕ войны год жила во Владивостоке, училась в драматической студии. Может быть, это был самый счастливый год в ее жизни. Не важно, что по-прежнему

нужно было думать о куске хлеба, и поэтому она бегала с ведром по квартирам знакомых артистов: кому уборку сделать, кому побелить, кому постирать. Главное, она поверила, что талантлива по-настоящему. «Вы живая Катерина, — убеждал ее оставшийся в театре художественный руководитель Иван Семенович Ефремов. — Вы настоящая Мария Стюарт». Отказавшись от гастролей в Китае, Маша уехала снова в Москву. «Мне страшно хотелось учиться», — признается Мария Карповна. Но в столице в студию МХАТа без десятилетки ее не приняли. От отчаяния Маша едва не бросилась под колеса трамвая. Пометавшись по Москве несколько дней, пришла в хор Пятницкого.

В декабре 1949 года была на концерте, посвященном 70-летию Сталина. Открывали концерт «Величальной».

— Слова еще помните?

— На дубу зеленом встретились два сокола, один сокол — Ленин, другой сокол — Сталин... Такое не забывается.

— И самого виновника торжества лицезрели?

— Ох, я же его проклинала всю жизнь. Мне растерзать его хотелось. Нас тогда предупредили, чтобы не вертелись, не искали Сталина. Вот мы вышли, спели. Толоконникова вдруг толкает меня в бок и шепчет: смотри, Сталин... В ложе справа вижу Ворошилова, Берия, Молотова. А Сталин сидел в углу, полуприкрытый шторой свинцового цвета. На нем парадный костюм со свинцовым отливом. Голова свинцовая, усы тоже свинцовые. Кое-как разглядела. Ага, думаю, замаскировался.

Вскоре хор уехал с гастролью за границу, а Маша Недобиткова осталась в Москве. Ее не выпустили, потому-де, что недостаточно благополучными были ее анкетные данные.

— Тятя сидел, дядька Иван по 58-й сидел, Еремонька ни за что пять лет лагеря вынес.

Ждали и ее, безвинную, Рижская тюрьма, Новосибирский лагерь, разлука с сыночком Сереженькой.

— Какое мучение заново проживать прожитое, чтобы писать о нем. Зачем вам это?

— Горем своим хочу поделиться, душу излить. В себе носить эту боль еще тяжелее. О братьях своих несчастных думаю, ни одному не довелось пожить хорошо. Да и сама не была счастлива никогда.

Тупой, сокрушающей силе в одиночку противостояла эта гордая женщина Маша Недобиткова. Роковая фамилия...

Андрей КРАТЕНКО, соб. корр. «Ленинской смены».

Усть-Каменогорск. НА СНИМКЕ: Мария Недобиткова в годы работы певицей хора Пятницкого.

Репродукция В. Вологодского.

